

вые определены начала законодательного закрепления теории разделения властей, причем правовая практика опережала в этом теорию.

Как отмечает Т.И. Доўнар, Статутом 1566 г. пользовалась в Беларуси и Литве до 1589 г., то есть до введения в действие Статута 1588 г. [1, с. 9], который, по нашему глубокому убеждению, также заслуживает более глубокого изучения, включая вопросы развития института участников уголовного процесса.

Библиографические ссылки

1. Доўнар, Т.И. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.И. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо ; рэдкал. Т.И. Доўнар [і інш.]. Мінск : Тэсей, 2003.
2. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае : манаграфія / М. Ермаловіч. Мінск : Беллітфонд, 2000.
3. Лазутка, С. Первый Литовский Статут (1529 г.) / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс : монография. Вильнюс : Изд-во Марги Раштай, 2004.

О.В. Рожко, адъютант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕОБОСНОВАННОГО ОБВИНЕНИЯ ИЛИ ОСУЖДЕНИЯ, В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (ДО 1917 г.)

Рассматривается проблема возникновения и развития права на возмещение вреда, причиненного в результате необоснованного обвинения или осуждения в отечественном законодательстве в эпоху феодализма и дореволюционный период. Предметом исследования являются правовые нормы Русской правды, Статутов ВКЛ, Устава уголовного судопроизводства 1864 г., Законов гражданских 1851 г. и других нормативных актов, регламентировавших исследуемый уголовно-процессуальный институт. В работе обозначены тенденции законодательного развития права на возмещение вреда в среде общей исторической эволюции отечественной правовой мысли. К наиболее важным проблемам, рассмотренным в представленной статье, относятся вопросы возникновения элементов исследуемого права в раннефеодальных источниках, его последующее развитие на определенном этапе становления белорусской государственности, взаимосвязь с исторически сложившимися тенденциями развития общества. Освещение обозначенных проблем посредством исторического анализа создает базу для глубокого и детального исследования современного законодательного закрепления права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс.

Анализ современного состояния права на возмещение вреда, причиненного в результате незаконного обвинения или осуждения (далее – право на возмещение вреда), невозможен без исторического изучения его правового становления. Эволюция законодательного закрепления рассматриваемого института в различное время подвергалась изучению на диссертационном и монографическом уровне рядом ученых-процессуалистов: Б.Т. Безлепкиным, С.А. Бетровым, Л.В. Бойцовой, О.Н. Войтенко, А.Н. Глыбиной, Т.Н. Добровольской, Ч.С. Касумовым, А.П. Куном, М.И. Пастуховым, И.Л. Петрухиным, А.А. Подопригра, Л.А. Прокудиной, Т.Т. Таджиевым, Д.А. Тазиевым, Д.В. Татьяниным, Н.Я. Шилов, А.Г. Эдилян и др. Однако данные исследования в определенной мере касались лишь законодательства, регламентировавшего уголовный процесс на территории Беларуси в период ее вхождения в состав Российской империи. Вопрос о возникновении и развитии права на возмещение вреда в законодательстве средневековой Беларуси по настоящее время достаточно не исследован. В связи с этим возникла необходимость на основе исторического анализа, сравнительно-логического и других научных методов исследовать основные исторические этапы и особенности нормативного закрепления права на возмещение вреда, причиненного в результате незаконного обвинения или осуждения.

В отечественном законодательстве возникновение элементов права на возмещение вреда можно проследить уже в I тысячелетии н. э. в период зарождения на территории древней Беларуси первых государств-княжеств и формирования древнего феодального права. Отдельные нормы, содержащие некоторые признаки рассматриваемого нами института, мы можем встретить в Русской правде, положения которой действовали на старобелорусских землях, в частности на территориях Полоцкого и Туровского княжеств. Содержащиеся в ней правила касались возмещения вреда, причиненного в результате безосновательного доказывания вины. Статья 85 предусматривала, что для определения виновности лица в отношении его могло применяться испытание железом. Однако если оно не приводило к доказательству вины подозреваемого, то обвинитель должен был уплатить ему возмещение за

понесенные муки в размере 1 гривны [4, с. 112]. Как мы видим, уже на заре государственности и в истоках зарождения отечественной правовой системы обществом признавалась ценность и необходимость существования права на возмещение вреда, причиненного в результате необоснованного обвинения.

С последующим развитием законодательства отдельные элементы рассматриваемого нами уголовно-процессуального института впервые получили свое закрепление в источниках феодального права в период вхождения территорий средневековой Беларуси в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ). Таковыми являлись созданные на основе кодификации и систематизации норм местного обычного права, постановлений судебных и государственных учреждений Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. Статутом ВКЛ 1529 г. в артикуле 1 разд. 6 «О судьях» было закреплено положение об обязанности возмещения ущерба, причиненного незаконным приговором, конкретным должностным лицом – судьей, его постановившим. При этом ущерб в виде издержек либо утраты имущества, прямо вытекающих из приговора, должен был возмещаться без предъявления к судье дополнительного иска. Иной вред, который был причинен незаконно осужденному, мог быть возмещен в результате отдельного судебного разбирательства при предоставлении соответствующих доказательств и обоснования понесенных издержек [7, с. 165]. Помимо ответственности судей за неправосудные приговоры Статут 1529 г. также налагал на них обязанность возместить ущерб и в случае совершения ряда незаконных действий, связанных с правилами ведения судебного процесса. Артикулы 2 и 21 названного раздела предписывали судье возместить ущерб осужденному в случае незаконного отказа в выдаче письменного листа по рассмотренному делу с указанием оснований вынесения приговора, а также при нарушении порядка взимания судебных пошлин в виде завышения их размеров [7, с. 166, 173]. Дальнейший процесс кодификации правовой системы феодальной Беларуси завершился принятием Статута ВКЛ 1588 г., который во многом воспринял и дополнил положения своих предшественников. Развивая институт возмещения вреда и ответственности судей за допущенные процессуальные ошибки, данный свод законов предусматривал возможность компенсации ущерба лицу, незаконно задержанному либо заключенному под стражу. Так, артикул 29 разд. 4 «О судьях и судах» устанавливалась обязанность в возмещении ущерба, причиненного необоснованным задержанием или заключением под стражу, не только заинтересованной в исходе дела стороной – истцом, но и судьей, осуществившим разбирательство с незаконным попустительством в пользу потерпевшего [8, с. 383]. При этом рассматриваемая норма устанавливала принцип полного возмещения причиненного вреда, но при представлении соответствующих доказательств. Характеризуя процессуальное законодательство, закрепленное в Статутах ВКЛ, следует отметить, что в основном бремя ответственности за незаконное обвинение или осуждение законодатель возлагал на лицо, по инициативе которого был начат процесс и которое представляло суду доказательства виновности. Процесс носил исковой характер и в случае, когда предъявленное истцом обвинение не находило подтверждения в ходе судебного разбирательства, он сам превращался в обвиняемого и мог быть подвергнут наказанию, в том числе соразмерно санкции за преступление, которое составляло предмет иска. Так, артикул 10 разд. 14 «О кражах всякого рода» Статута ВКЛ 1588 г. предусматривал, что в случае безосновательного обвинения в воровстве со стороны шляхтича ранее ни в чем не заподозренного человека такого же сословия жалующийся обязан был выплатить ему денежную компенсацию, а сам подвергался тюремному заключению сроком на 12 недель [8, с. 450]. Дополнительную ответственность в пользу незаконно обвиняемого нес истец и в случае представления ложных свидетельств или подделки документов в ходе судебного процесса в отсутствие ответчика. В таком случае в соответствии с артикулом 41 разд. 4 Статута ВКЛ 1588 г. он подвергался не только уголовному наказанию вплоть до смертной казни по делам об обвинении в преступлении, за которое данная мера могла быть применена, но и обязан был уплатить незаконно осужденному в результате таких действий денежную компенсацию в размере 12 рублей. [8, с. 386]. Одним из прогрессивных достижений Статута ВКЛ 1588 г. в области рассматриваемого права явилось законодательное закрепление ответственности должностных лиц, осуществлявших уголовное преследование в современном его понимании, за совершение незаконных действий в процессе подготовки материалов. Таким должностным лицом по Статуту ВКЛ 1588 г. являлся возный, процессуальное положение которого было сравнимо со статусом следователя или дознавателя в современном уголовном процессе. Предоставляя возному гарантии обеспечения безопасности своей деятельности, Статут ВКЛ 1588 г. в то же время возлагал на него ответственность за совершение необоснованных или незаконных действий. Артикулом 9 разд. 4 предусматривалась обязанность указанного должностного лица по возмещению причиненного им вреда как в результате попустительства по службе или злоупотребления своим положением, так и в случае долж-

ностного бездействия в определенных законом случаях [8, с. 377]. При этом лицо, которому таким деянием мог быть причинен ущерб, вышеуказанная норма не конкретизировала, из чего можно сделать вывод о том, что таким лицом могла быть любая сторона, заинтересованная в исходе дела. Обобщая анализ феодальных источников права средневековой Беларуси, мы приходим к выводу о том, что уже к середине XVI в. в отечественной правовой системе наметилась тенденция к постепенному усилению защиты лица, необоснованно обвиненного в совершении преступления, либо которому в ходе судебного разбирательства был причинен вред. При этом впервые на законодательном уровне к возмещению такого вреда наряду с истцами обязывались и представители судебной и исполнительной власти, что, несомненно, выступало гарантией соблюдения интересов лиц, привлекаемых к уголовному суду.

Дальнейший этап нормативного развития права на возмещение вреда связан с российским законодательством конца XIX – начала XX в. К этому времени институт вознаграждения лиц, невинно привлеченных к уголовной ответственности, нашел свое закрепление в большинстве стран Западной Европы. В России основными нормативными правовыми актами, регламентировавшими вопросы ответственности чиновников полиции, прокуроров и судей в сфере уголовного судопроизводства, являлись Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [5], Законы гражданские 1851 г. [6], Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [6]. Необходимость имплементации возмещения вреда лицам, пострадавшим вследствие судебных ошибок, в правовую систему государства обосновывалось на теоретическом уровне видными процессуалистами того времени П.И. Люблинским, И.Я. Фойницким, Н.Н. Розиным, Г.С. Фельдштейном и др. Уголовная ответственность судей устанавливалась ст. 398 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в которой говорилось о том, что в случае вынесения судьей несправедливого решения по гражданскому или уголовному делу вследствие ошибочного толкования закона он подлежал наказанию в зависимости от отягчающих или смягчающих обстоятельств к тюремному заключению либо к выговору с внесением или без такового в послужной список [6, с. 276]. Возмещение же ущерба, причиненного в результате такой судебной ошибки, регламентировалось Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) и Законами гражданскими 1851 г. При этом рассматриваемый нами институт характеризовался комплексным и межотраслевым механизмом правового регулирования. В соответствии со ст. 780 Устава оправданному подсудимому дозволялось просить вознаграждение за вред и убытки, причиненные неосновательным привлечением его к суду. Статьи 781–783 предусматривали основания требования иска о возмещении ущерба в зависимости от инициатора уголовного преследования. На лицо, непосредственно потерпевшее от преступления и возбудившее уголовное преследование, взыскание вознаграждения оправданному подсудимому допускалось в случае, когда это лицо действовало недобросовестно, искажало обстоятельства происшествия, давая ложные показания или подговаривая к тому других, а также использовало иные незаконные средства ведения процесса. Если уголовное преследование возбуждалось частной стороной, не пострадавшей от преступного деяния, право на возмещение вреда предоставлялось незаконно осужденному вне зависимости от поведения указанной стороны в ходе производства по делу. Не оставляя в стороне возможность взыскания издержек с должностных лиц, в том числе с судебного следователя и прокурора, Устав в ст. 783 тем не менее ограничивал данные случаи необходимостью оправданному подсудимому доказать, что в ходе разбирательства названные должностные лица действовали «...пристрастно, притеснительно, без законного повода или основания, или же вообще недобросовестно» [6, с. 195]. Ответственность судей и возможность взыскания с них причиненного вреда регламентировались ст. 677–682 Законов гражданских 1851 г. В ст. 677 закреплялся общий принцип, согласно которому «...всякое должностное лицо, которое из корыстных или иных личных видов, по суду доказанных, через принятие каких-либо противозаконных мер или иные, также противозаконные по службе действия, причинит кому-либо вред или убытки по имуществу, не только подвергается за это наказанию, в законах определенному, но и обязано сверх того вознаградить за сии убытки и вред» [6, с. 131]. Статья 678 Законов гражданских называла основания и виды возмещаемого вреда в случае постановления неправосудного приговора. В соответствии с данной нормой незаконно осужденный имел право на возмещение ущерба в случае умышленного вынесения незаконного приговора, либо когда такой приговор был постановлен судьей вследствие халатного исполнения своих служебных обязанностей, связанных с неосмотрительностью и невнимательным отношением к делу. В таких случаях судья обязывался за свой счет возратить незаконно осужденного из мест ссылки или заключения, заплатить ему определенное вознаграждение, а также за счет собственных средств возместить весь причиненный имущественный вред. Кроме этого

на судью возлагалась обязанность компенсировать вред, причиненный здоровью осужденного, путем приобретения и доставки необходимых средств для лечения и содержания во время болезни. При этом если по характеру приобретенного заболевания осужденный не мог содержать семью, судья также обязан был обеспечить ее содержанием, размер которого законодатель не установил, ссылаясь лишь на его достаточность. Однако вышеуказанные положения не распространялись на осужденного, который после пересмотра дела оставался в подозрении, для чего достаточно было обвинительного мнения любого из членов коллегии, пересматривавшей дело. В таких случаях осужденный не мог претендовать на какое-либо возмещение своих убытков, а отмена приговора ограничивалась освобождением от дальнейшего отбывания наказания и восстановлением утраченных в связи с осуждением прав и преимуществ. Таким образом, законодательное закрепление права на возмещение вреда не предусматривало государственного вознаграждения за необоснованное осуждение лица. Иск за допущенные судебные ошибки предъявлялся оправданным не к государству, а к частному лицу, которое являлось инициатором уголовного преследования. В тех же случаях, когда подобное требование было заявлено в отношении должностных лиц судебных органов, необходимо было доказательство того, что они действовали недобросовестно и пристрастно. В действительности осуществление данного права было крайне затруднительно. Частное лицо, возбудившее судебное преследование, часто оказывалось имущественно несостоятельным, оправданному осужденному нелегко было доказать, что судья, судебный следователь или прокурор действовали притеснительно, без законного повода и основания [1, с. 20]. Вопрос о закреплении в законе обязанности именно государства выдавать вознаграждение гражданам, невинно привлеченным к суду или невинно осужденным, в России был поставлен в 1900 г. Правительственной комиссией, образованной для пересмотра судебных уставов 1864 г. Согласно подготовленному ею постановлению при оправдании подсудимого «в чрезвычайных случаях, когда представляются особые уважения к вознаграждению», суду дозволялось ходатайствовать через министра юстиции перед императором о вознаграждении. Однако данное предложение было отвергнуто. Небольшим шагом в этом направлении можно считать принятие закона от 1 мая 1900 г., устанавливавшего, что расходы по возвращению в прежние места жительства ссыльнокаторжных, признанных невинно осужденными, а также их семей возмещаются за счет казны [2]. В дальнейшем каких-либо попыток возложения на государство обязанности по возмещению рассматриваемого вреда в дореволюционной России не предпринималось.

В заключение отметим следующую закономерность. Развитие рассматриваемого нами института отражало господствовавшие в тот или иной исторический период в общественно-правовом сознании взгляды на ценность прав и свобод человека, гарантии их соблюдения в отношениях с государством. Как справедливо отмечал П.И. Люблинский, положение личности в уголовном процессе в значительной степени характеризует и положение ее во всем государственном строе, главнейшей частью которого является судебная система [3]. Таким образом, степень защищенности незаконно обвиненного или осужденного в определенной мере характеризует уровень демократичности уголовного процесса, его соответствие принципам правового государства.

Библиографические ссылки

1. В-ичь, М. О праве вознаграждения за судебные ошибки / М. В-ичь // Журн. гражд. и уголов. права. 1893. Кн. 7 (сентябрь).
2. Гусаковский, П.Н. Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными деяниями / П.Н. Гусаковский // Журн. Мин-ва юстиции. 1912. № 12.
3. Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П.И. Люблинский. СПб : Сенат. тип., 1906.
4. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / О.И. Чистяков (отв. ред.) [и др.]. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / В.Л. Янин (отв. ред.) [и др.].
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / О.И. Чистяков (отв. ред.) [и др.]. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века / О.И. Чистяков (отв. ред.) [и др.].
6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / О.И. Чистяков (отв. ред.) [и др.]. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 8 : Судебная реформа / Б. Василевский [и др.].
7. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / К.И. Яблонскис [и др.] ; под ред. К.И. Яблонскиса. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960.
8. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года : Тэксты. Давед. Камент. / Бел. Сав. Энцыкл. ; редкал.: І.П. Шамякін [и др.]. Мінск : БелСЭ, 1989.